
А.И. Куприн
“Царёв гость из Наровчата”

Царев гость из Наровчата

Александр Иванович Куприн

Аннотация
Александр Иванович Куприн. Царев гость из Наровчата

Аннотация

Многие склоняются к тому, что посещение Наровчата государем — Александром I — самое значительное событие в его истории, а для одного из горожан, которого монарх пригласил во дворец в Петербург, такая милость никогда бы не померкла в памяти.

Александр Иванович Куприн
Царев гость из Наровчата[1]

[1] Примечания: 1

Впервые — в газете «Возрождение», 1933, №№ 3113, 3114, 10, 11 декабря.

В этом рассказе Куприн впервые подробно описал свою родину — город Наровчат, Пензенской губернии. В ранее написанных им произведениях о Наровчате имелись лишь краткие упоминания (см. «На покое», «Поединок», «Храбрые беглецы»).

Все, что сказано о внешнем виде города, частых пожарах, плодородных землях уезда, быте и нравах помещиков, имеет реальную основу. Эти сведения Куприн почерпнул из воспоминаний своей матери, Любови Алексеевны, урожденной Кулунчаковой (ок. 1840–1910).

Названные в рассказе наровчатский предводитель дворянства Иннокентий Владимирович Веденяпин и мировой посредник Фалин — реальные лица У Ивана Егоровича Фалина служил письмоводителем отец писателя Иван Иванович Куприн (1839–1871). Под фамилией Дурасов выведен владелец села Дурасовка, Наровчатского уезда, помещик Пензенской губернии Арапов. Принадлежавший ему двухэтажный каменный дом поныне стоит на центральной площади Наровчата. Образ дворянина Хохрякова также имеет, по-видимому, реальную основу. О злоключениях этого бесшабашного помещика в пензенском крае сложилось много преданий (см. «Дочь великого Барнума»).

Эпизод посещения Наровчата Александром I носит легендарный характер. Александр I Пензенскую губернию проезжал, ко в Наровчате не был. Как отмечает исследователь литературного прошлого Пензенского края А. Храбровицкий, подобный случай произошел в 1836 году под Чембаром с Николаем I, две недели жившим в этом уездном городе (А. Храбровицкий «Замечательные места Пензенской области», Пенза, 1943, стр. 13).

Прежде всего надо осведомить читателей о том, что такое Наровчат, ибо слово это ни в истории, ни в литературе, ни в железнодорожных путеводителях не встречается. Так вот. Наровчат есть крошечный уездный городишко Пензенской губернии, никому не известный, ровно ничем не замечательный. Соседние городки, по русской охальной привычке, дразнят его: «Наровчат, одни колышки торчат». И правда, все наровчатские дома и пристройки построены исключительно из дерева, без малейшего намека на камень, река Безымянка протекает от города за версту[2]; лето всегда бывает жаркое и сухое, а народ — ротозей. Долго ли тут до божьего попущения? Так и выгорал из года в год славный город, выгорал и опять обстраивался.

Однако бедным городом Наровчат никак уже нельзя было назвать. По всему уезду пролегала превосходная хлебная полоса, природным густым черноземом на две сажени в глубину: никакого удобрения не надобно; урожай сам-сто, — груши, яблоки, сливы, вишни, малина, клубника, смородина — прямо хоть на международную выставку, а рогатый скот, домашняя откормленная птица и

[2] Примечания: 2

Река Безымянка протекает от города за версту... — Имеется в виду река Мокша, протекающая, в трех километрах от Наровчата.

молочные поросята далеко превосходили и оставляли за собою не только Тамбов, но и Ярославль. Рабочей крестьянской силой была преимущественно мордва, захожее издревле племя, родня, с одной стороны — финнам, а с другой — венграм; народ туго понимаемый и языческий, но добродушный, уживчивый, не знающий отдыха в работе, трезвый и находчивый. Мордовские цветные вышивки на женских одеждах до сих пор известны всей России, так же как мордовская упряжь и мордовская обувь. В Рязанской губернии до сих пор еще говорят о человеке скрытном и лукавом: «Прост-то он прост, да простота-то его, как мордовский лапоть, о восьми концах».

Что же касается до помещиков, то почти все они состояли из татарских князей. Роды свои они вели от Тамерлана (хромого Таймура), Чингис-

хана, Тахтомыша[3] и других полумифических восточных владык, но уже давно отошли от веры магометовой, а русскую грамоту разбирали кое-как, а то и вовсе ее не разбирали. Однако карточная игра прочно привилась в Наровчате. В почтенных дворянских домах играли в преферанс по копейке очко. Духовенство резалось в стуколку, а в Благородном собрании процветал серьезный штосе, за которым проигрывались не только крупные ассигнации, но порою коляски с лошадьми, крепостные мужики, бабы и девки и целые имения.

Тогдашние шулера, даже самые крупные, никогда не обходили своим профессиональным вниманием Наровчатскую троицкую ярмарку и считали ее, по доходности, второй после знамени-

---

[3] Примечания: 3

Роды свои они вели от Тамерлана (хромого Таймура), Чингис-хана, Тахтомыша… — Тамерлан — прозвище среднеазиатского полководца и завоевателя Тимура (1336–1405). *Ч и н г и с-х а н* (собст. имя Темучин, ок. 1155–1227) — монгольский хан и полководец. *Тохтамыш* (ум. ок. 1407 г.) — хан Золотой Орды, совершивший в 1383 г. нападение на Москву. Крупными землевладельцами Наровчатского уезда, происходившими из татарских князей, были Кугушевы, Кошаевы, Кильдишевы, Максютовы и др. Через несколько десятилетий после разгрома войсками Ивана IV Наровчатской орды нескольким татарским князьям были дарованы русскими царями «порозжие» земли в Наровчатском уезде (М. Афиногенова, Краткий историко-экономический очерк Наровчатского уезда Пензенской губернии. Рукопись. Наровчатский музей).

той Лебедянской. Не обходили Наровчат и лихие ремонтеры: тамошние лошади были хороших кровей, доброезжие и ладные под кавалерийское седло. Что греха таить, случались в Благородном собрании недоразумения, споры, неизбежные скандалы и бурные объяснения, в результате которых летали канделябры, облаивалась честь дворянских родов шестой книги и раздавались грозные голоса:

— Вызываю! Сейчас же стреляться через платок! Где секунданты?

Надо сказать, что этот роковой кровавый и смертельный вызов на мгновенную жестокую дуэль имел когда-то огромное распространение в дворянских захолустьях, но ни один печатный или письменный документ, ни одно словесное показание старожилов не донесли до сведения потомства о ритуале этого страшного поединка, о его правилах и об его бесчисленных убийственных жертвах во всех уездных городишках великой России. Правда, один из последних могикан, почтенный и престарелый князь Чугильдеев, рассказывал мне однажды под веселую руку о дуэли через платок, которой он был живым свидетелем в пору своей золотой юности. Но рассказ его был так бестолков, так запутан,

так местами сам себе противоречив, что доискаться до серединной, хотя бы приблизительной истины не было никакой возможности. Порою казалось, что старший из секундантов, швыряя свой скомканный носовой платок вперед перед собою, обозначал этим место барьера, порою казалось, что дуэлянты по сигналу палили друг в друга через туго натянутый большой платок, не видя один другого, наудачу. Порою же поединок признавался несостоявшимся за неимением у всех джентльменов ни одного носового платка. Но если дуэль и совершалась, то происходила она тут же в зале Благородного собрания и единственной жертвой ее являлся либо клубный лакей, либо маркер при биллиарде, получивший незначительную рану в седалище. Впрочем, Князевым рассказам трудно было давать вес и доверие, особенно тогда, когда он находился под мухой.

Как уже сказано было выше, замечательных и примечательных событий в Наровчате никогда не происходило. Даты времени отсчитывались по мелким домашним происшествиям… Это было за год перед тем, как у Ольги Иннокентьевны родилась двойня; или год спустя после того, как мировой посредник Фалин привез из Пензы секрет яблочной пастилы, и все другое в том же

роде.

Но был все-таки в утлой и скудной летописи безвестного городка Наровчата один-единственный случай, который смело можно назвать необыкновенным и которому в свое время с пламенной ревностью завидовали и толстопятая Пенза, и раскормленный Тамбов, и богатая магометанская мыльная Казань. Да и в самом деле было чему завидовать: вскоре после победы над Наполеоном и двенадцатью языками великий победитель, незабвенной памяти государь и император всея России Александр Павлович, высочайше соизволил осчастливить уездный город Наровчат своим милостивым посещением. Милость, — с какой стороны на нее ни погляди, — столь же громадная, сколь неожиданная и необъяснимая.

Правда, давно уже всем верноподданным россиянам была известна благородная любовь Александра Павловича к далеким путешествиям по своему царству. Недаром же после его кончины некий смелый вития[4] сказал краткую эпитафию:

Всю жизнь провел в дороге

---

[4] Примечания: 4

...смелый вития сказал краткую эпитафию... — Приводимое в рассказе двустишие неизвестного автора ошибочно приписывалось А. С. Пушкину.

И умер в Таганроге.

Однако прибытие государя в скромный Наровчат имело свой особенный, чисто наровчатский характер.

Для сокращения пути на Казань государевы передовые вожатые решили проехать через Наровчатский уезд и, следовательно, по мосту через речку Безымянку. Так и расположили маршрут. Но, увы, на безымянском мосту злой рок подстерегал императорский кортеж. Никто из императорской свиты не догадался своевременно удостовериться в состоянии моста — этакие ротозеи! Государев венский дормез был не в меру тяжел, а безымянский мост не ремонтировался лет так с тридцать, тридцать пять. И вот произошла страшная беда: тяжеловесный экипаж был на самой середине, когда ветхий мост рухнул и развалился на мелкие части. Бог хранил своего избранника. Пострадали, и то не смертельно, форейторы и ездовые; государь же отделался сильным ушибом левой ноги. Всем известно, что Александр Павлович был истинным ангелом во плоти; он всем простил и ни на кого не гневался. Наоборот, ласково утешал пострадавших и ободрял растерявшихся. И так как врачи настаивали на немедленном отдыхе для излечения ушиба,

то государь милостиво соизволил принять гостеприимство в роскошном доме у предводителя дворянства Иннокентия Владимировича Веденяпина, куда он и был перенесен на носилках со всеми предосторожностями.

Воистину прекрасная душа победоносного царя всероссийского была полна доброты и благоволения. Когда ушибленная нога его величества пришла в такой порядок, что, будучи обвязанной крепкими бинтами, не препятствовала Александру Павловичу осторожно передвигаться с места на место, то государь с прелестной улыбкой дал свое согласие наровчатским дворянам присутствовать лично на торжественном балу в честь выздоровления обожаемого императора. Бал этот, дававшийся в просторных залах Благородного собрания, был сказочно, неописуемо великолепен. Выписано было два оркестра: один военный, из пехотного полка, стоявшего в Пензе, другой — струнный, из Тамбова. Стены собрания и снаружи и изнутри были сплошь усыпаны живыми роскошными цветами. Пензенский богатый помещик Дурасов не пожалел на это пышное украшение всех своих редкостных знаменитых оранжерей. Угощение подобрали самое лукулловское: разные там оршады, лимонады, крюшоны и

жжёнки; мороженое всех сортов и прочие всякие тонкие деликатесы. Пензенские знатные дамы в сильно декольтированных костюмах ампир, кавалеры в цветных фраках. Достаточно того сказать, что весть об этом колоссальном бале дошла до обеих столиц и была пропечатана в петербургской газете, а память о сказочном торжестве осталась среди наровчатских жителей на пятьдесят, а то и на сто лет.

Забинтованная нога не позволяла государю принять участие хотя бы в традиционном и весьма нетрудном полонезе, но на усердные танцы наровчатского бомонда[5], обучавшегося хореографическому искусству у заезжей француженки де Пудель, он глядел, сидя в почетных креслах, с большим вниманием и с благосклонной радостной улыбкой. Молодой флигель-адъютант государев, блестящий гвардейский офицер, стоявший за спиной императора и не изменявший своего серьезного должностного лица, тут же вполголоса экспромтом напевал в темп гросфатеру забавные стишки на танцующих:

Вот за офицером
Бежит мамзель,

---

[5] Примечания: 5
Бомонд — *аристократическое общество (от франц. beau monde).*

Ее вся цель —
Чтоб он в нее влюбился,
Чтоб он на ней женился.
Но офицер
Ее не замечает
И дальше поспешает
Во весь карьер.

А на другой танец, более резвый, он импровизировал другие стишки:

Кума шен, кума рон!
Кума, дальше от комода,
Кума, чашки разобьешь,
Трам, трам, тара-ра,
Напирайте, господа.
Там налево осторожно,
Зацепить за горку можно.
Траля, траля-ля,
Не спешите, господа.

И все в таком же веселом роде. Стишки эти до слез и колик смешили государя, соскучившегося в наровчатском невольном сиденье, но еще больше ему понравилась парочка Хохряковых,

мужа и жены; оба они были кургузенькие, пузатенькие, но ужасно манерные и жеманные. Вероятно, во всем мире не бывало видано таких вычурных наизатейливых гротесков, которые откалывала с важностью чета Хохряковых. Глядя на них, деликатный Александр Павлович делал все усилия, чтобы не расхохотаться громко. Но когда Хохряковы окончили свой черед, он послал к ним адъютанта с просьбой узнать, не будут ли они так любезны, чтобы повторить свой танец. С неописанным наслаждением исполнили они желание императора. Но этой чести было еще мало. Покидая зал и поблагодарив наровчатское дворянство, государь отдельно подозвал к себе Хохрякова и ласково сказал ему:

— Я с удовольствием любовался вашими танцами и очень жалею, что моя жена не могла их увидеть. Но если вам придется когда-нибудь приехать в Петербург, то милости прошу ко мне во дворец. Я охотно представлю вас ее величеству.

На другой же день государь покинул Наровчат.

Прошло достаточно много времени. Наровчат после великих дней пребывания в нем царя постепенно ввалился в обычную, привычную колею. Пришли, наконец, будничные, сумрачные дни, когда городишко совсем перестал говорить

и думать об августейшем посетителе, так же как забыл он интересоваться таинственной судьбой дворянина Хохрякова, который через неделю после отъезда государя со свитою вдруг исчез неведомо куда и неведомо зачем и вот уже месяцами не давал о себе ни слуха, ни знака. Соседи спрашивали мадам Хохрякову:

— А не поехал ли, часом, ваш благоверный в Санкт-Петербург по государеву приглашению?

Но госпожа Хохрякова отвечала кратко:

— Куда ему, сопливому. Он дальше Тамбова и проехать не сумеет. Одна беда — все наличные деньги с собою увез. Боюсь, не дунул ли в Царицын к цыганкам. От него, поганца, станет.

Вот и все. Вскоре Хохрякова как бы и на свете никогда не бывало…

…И вдруг перед самым рождеством Христовым разносится по всем домам животрепещущая новость:

— Приехал! Приехал! Хохряков только что приехал! В Петербурге был! Во дворец был приглашен, с августейшими особами чай пить и беседовать удостоился! Жена ему теперь за вранье волосы дерет. Идите скорее глядеть!

Но когда все эти домашние суспиции[6] и козьи потягушки затихли, а взбудораженный муравейник успокоился, то отцы города строжайше потребовали от Хохрякова точного и правдивого отчета во всех его похождениях, приключениях, встречах, знакомствах, удачах и провалах и так далее. В большом зале Благородного собрания рассказывал дворянин Хохряков, в присутствии всех знатных наровчатцев, свою изумительную Одиссею.

— Должен сначала сказать, что я, долго и многосторонне обдумывая милостивые и, скажу, даже ласковые слова его величества, обращенные ко мне на торжественном балу, понял, что это, бесспорно, есть знак высочайшего одобрения моему искусству танцевать, а всемилостивейшее приглашение обожаемого монарха побывать при возможном случае в его резиденции нельзя понимать иначе, как желание императора увидеть еще раз эти танцы и дать возможность поглядеть их своей августейшей супруге. Исполнить малейшее желание великого государя всея России есть первейший и священнейший долг каждого верного подданного. Вот мотив, по которому я поехал

---

[6] Примечания: 6
Суспиция — подозрение.

в Петербург. Меня, может быть, спросят, почему я не взял с собою в вояж возлюбленную супругу нашу и уважаемую сожительницу, несравненную Алевтину Исидоровну. Ответ прост — государь, произнося свое великодушное приглашение, изволил говорить лишь со мною, исключительно со мною, и его царственные взоры были обращены только на меня. Согласитесь, имел бы я право ввести в царские чертоги особу, хотя и блистающую всякими достоинствами, но официально не имеющую приглашения?

Но тут все наровчатские нотабли[7] дружно закричали:

— Верно, правильно! Браво! Переходите ко главному!

И успокоенный Хохряков начал свой рассказ:

— Ехал я на почтовых девять дней с небольшим, пока не приехал в Санкт-Петербург. Ужасно большой город, раз в десять больше нашей Пензы. Остановился в Балабинской гостинице. Шик прямо сверхъестественный. Переночевал благополучно. Утром велел коридорному начистить сапоги до военного блеска. Спрашиваю: «Где теперь изволит проживать государь император?»

---

[7] Примечания: 7

Нотабли — *почетные, именитые лица* (*от франц. notable*).

Представьте себе, в гостинице никто не знает. Слава богу, околоточный надзиратель на улице помог: «В Зимнем дворце». Я — туда, на извозчике. Господи, ну и дворец! Я там себе как самая ничтожная мошка показался. Отовсюду входы и выходы. Сто крылец, сто подъездов, и всюду миллионы деловых людей бегают. Я спрашиваю, как пройти к государю, по его личному словесному разрешению и даже приглашению. Не тут-то было. Спрашивают: «А где у вас бумаги? Где разрешение? Кто за вас ручается? Кому вы известны?» И тра-та-ти и трата-та… Я уже потерял присутствие духа, как вдруг подходит ко мне тот самый флигель-адъютант, который на балу в Наровчате такие насмешливые вирши складывал.

— Здравствуйте, — кричит, — пензяк толстопятый!

Как живы, здоровы? Что в Питере делаете?

Я рассказал этому прекрасному гвардейцу все мое положение и все мои адские затруднения, а он говорит:

— Я понимаю, как вам тяжело в незнакомом городе, да еще без протекции. Подождите меня вот у этой арки, а я вам сейчас разрешение принесу.

Сказал и скрылся, а через четверть часа прибегает обратно.

— Государь очень рад будет увидеть вас в восемь часов за своим интимным чаем, а пока пойдем немного прогуляемся по Невскому проспекту и у Доминика[8] в биллиард поиграем.

Ровно в восемь поднялись мы по роскошным мраморным лестницам в верхние, уютные, лишенные всякой официальности, домашние палаты молодых государя и государыни. Когда я сделал низкий придворный поклон, Александр Павлович любезно протянул мне руку. Я хотел ее облобызать, но царь не дозволил этого и сказал:

— Ручку ты поцелуешь у моей жены. Вот, Лизанька, мой друг из Наровчата. Прошу любить да жаловать. Ах, если бы ты знала, с каким отменным пафосом он танцует старинный гросфатер.

Я приложился к прекрасной маленькой ручке государыниной, и ее величество ласково сказать соизволила:

— Очень рада сделать знакомство с вами. Позвольте предложить вам чаю.

А государь говорит:

— Чего хочешь, брат Хохряков? Чаю или кофею?

— С позволения вашего императорского вели-

---

[8] Примечания: 8

Доминик — ресторан в Петербурге.

чества, попросил бы чаю.

— А с чем предпочитаешь чай, брат Хохряков? Со сладким печеньем или с марципаном?

— Как угодно вашему величеству.

— А что, брат Хохряков, а не разбавить ли нам чай китайский настоящим ямайским ромом?

— Думаю, что не повредит, ваше величество.

И тут государь обращается к своей порфироносной супруге:

— Не знаешь ли, Лизанька, остался ли у нас еще в погребе этот отличный ямайский ром?

— Кажется, остался.

— И чудесно, — говорит государь. — Ну-ка, полковник, — обращается он к юному флигель-адъютанту, — идите-ка в погреб. Поищите там рому покрепче и подушистее.

Тот мигом сорвался с места и исчез. Не прошло и четверти часа, как он вернулся с кувшином бемского граненого хрусталя, наполненным амброзией и нектаром.

Понимаете ли? Ром из царских погребов! Высочайшая во всем мире марка! У нас в Пензе лучшие знатоки вина определяли достоинство хорошего рома по мере того, насколько сильно он пахнул клопом. Но императорский ром — дело совсем другого рода: он благоухал и портвейном, и хере-

сом, и малагой, и доппелькюмелем, и мадерой, и опопонаксом, и резедой, и имел он крепость необычайную. Я с трудом, через силу, выпил рюмки четыре, а больше не мог, натура не позволила. Вежливо, но отказался. В голове зашумело. Помню, как адъютант подал мне глазами знак уходить. Я низко раскланялся, а государь, смеясь, спросил меня:

— А скажи, брат Хохряков, починили ли в Наровчате тот мост, на котором я чуть-чуть не сломал себе ногу?

Мне стыдно и страшно было ответить, и я решился на маленькую ложь.

— Государь, — сказал я, — уезжая из Наровчата, я успел заметить лихорадочную работу над возведением отличного каменного моста через эту несчастную речку. Но в скорости он будет закончен.

Государь и государыня милостиво простились со мною. Флигель-адъютант проводил меня пешком до моей гостиницы и по дороге все спрашивал меня, весело смеясь:

— Что, брат Хохряков? Вкусным я тебя ромом попотчевал?

Так мое путешествие в Петербург и прошло благополучно. Но только, господа дворяне, вы уж

меня перед моим обожаемым царем не подведите. Постройте хороший мост через Безымянку.

И все Благородное собрание ответило громом рукоплесканий и самыми горячими обещаниями.

С того времени прошло сто лет с небольшим. До сего дня в Наровчате есть старинная поговорка: «Чего, брат Хохряков, хочешь? Чаю или сахару? С пирожными или с марципанами?»

Но мост через Безымянку так и остался в прежнем ветхом состоянии, и по весне на нем неизменно калечатся люди и лошади.

1933